

Однако, хотя поиски и не выявили убийцу, кое-что любопытное обнаружилось.

С того момента, как Гу Хуайцин вошёл в дом, Се Хуэйлань ни разу не взглянула в его сторону. Всё её внимание было поглощено сценой: каждая улыбка, гримаса гнева, вспышка радости или досады у актёров находила в ней живой отклик.

Се Хуэйлань заворожённо смотрела на подмостки, её тонкие пальцы едва заметно отбивали такт под музыку — явное свидетельство того, что каждую ноту и слово пьесы она знала наизусть. В особо трогательных местах она крепко сжимала платок, глаза её краснели, наполняясь слезами. Красавица, подобная цветущей груше под дождём, излучала особую, щемящую красоту.

Лишь когда действие завершилось, Се Хуэйлань осознала свою несдержанность. Она поспешно вытерла слёзы с уголков глаз и, оправдываясь, промолвила: «Я... я ненадолго отлучусь, пойду проведу невесту». С этими словами она в сопровождении служанки направилась в покои новобрачной.

Все решили, что вид праздника пробудил в ней горечь за судьбу сестры, и проводили её взглядами, полными сочувствия.

Наблюдая за слегка торопливой походкой удаляющейся Се Хуэйлань, Гу Хуайцин задумался...

Гу Хуайцин вернулся во дворец из дома Вань Чжэня уже после полуночи.

Луна стояла высоко в небе. Он выпил лишнего, от него исходил лёгкий запах вина, однако походка оставалась твёрдой, а взгляд — ясным, без намёка на опьянение.

Едва Гу Хуайцин переступил порог дворцовых ворот, как к нему поспешил маленький евнух, который, судя по всему, давно поджидал его на пронизывающем ветру. Увидев Гу Хуайцина, тот с облегчением просиял.

— Господин Гу, вы наконец-то вернулись! Его величество уже несколько раз спрашивал о вас.

Гу Хуайцин лишь бесстрастно кивнул: «Понял».

Согнувшись, евнух с фонарём в руке повёл Гу Хуайцина в Дворец Цяньцин, где проживал император.

Приведя себя в порядок, Гу Хуайцин шаг за шагом поднялся по высокой лестнице и вошёл в величавое и торжественное здание.

Вдалеке он увидел молодого государя Сяо Цзина, восседавшего за украшенным драконами столом и просматривавшего доклады. Тот то хмурился в задумчивости, то расплывался в одобрительной улыбке — выражение лица его было весьма оживлённым.

Сяо Цзин ещё не достиг совершеннолетия. Его правильные черты сохраняли долю детской мягкости, но облачённый в драконий халат, он уже излучал едва уловимое величие властителя Поднебесной.

Увидев Гу Хуайцина, Сяо Цзин тут же отложил кисть, и лицо его озарила радостная улыбка: «Наконец-то ты вернулся!»

— Да хранит Небо ваше величество! — Гу Хуайцин взметнул полы халата и опустился на

колени, совершив положенный ритуал.

Сяо Цзин слегка поднял руку: «Поднимись».

Когда Гу Хуайцин поднялся, император жестом отпустил прислугу, и в огромном зале остались лишь они вдвоём.

Стоило исчезнуть посторонним, как с Сяо Цзина тут же слетела напускная императорская важность. Радостно улыбаясь, он достал из ящика стола блюдечко с изысканными сладостями и, словно демонстрируя сокровище, воскликнул: «Хуайцин, я приберёг для тебя твои любимые хрустящие печенья «Цветок персика»! Ждал так долго, что они уже остыли. Давай, попробуй скорее!»

— Но я уже сыт после банкета, — с сомнением покачал головой Гу Хуайцин.

Лицо Сяо Цзина мгновенно вытянулось, изобразив полное разочарование.

Гу Хуайцин не смог устоять, взял маленький кусочек и отправил его в рот.

Дворцовые сладости и впрямь были не чета прочим: сладкие, рассыпчатые, с тонким ароматом персиковых цветов. Стоило лишь слегка надкусить — и во рту разливалось благоухание.

С улыбкой наблюдая за Гу Хуайцином, Сяо Цзин подобрал оставшуюся половинку печенья и положил себе в рот, медленно смакуя её вместе с ним.

Если бы кто-то узнал, что государь и его подданный делят одно печенье, это непременно вызвало бы пересуды, однако оба они в душе были чисты и спокойны.

Сяо Цзин сказал: «Хуайцин, помнишь, как в тот год, когда наложница Шу наказала тебя, оставив без еды, я тайком пробрался на дворцовую кухню, стащил блюдо с хрустящими печеньями «Цветок персика» и ночью, перелезши через стену, принёс тебе?»

Гу Хуайцин неспешно проглотил лакомство, бросив на Сяо Цзина искоса насмешливый взгляд: «М-м-м, печенья я что-то не припоминаю. Зато отлично помню, что ваше величество вряд ли перелезали через стену. Вы, кажется, пролезли в какую-то дыру, порвали при этом одежду и выглядели тогда просто...»

Сяо Цзин вспыхнул и с досадой воскликнул: «Эй! Почему ты запоминаешь всякие мелочи, а самое главное забываешь?!»

Видя, что Сяо Цзин рассердился, Гу Хуайцин поспешил его умаслить, рассмеявшись: «Да шучу я! Как я мог забыть? Те печенья были самой вкусной едой в моей жизни».

Сяо Цзин долго смотрел на прекрасное лицо Гу Хуайцина, не говоря ни слова...

В том году ему было всего восемь, императрица ещё не усыновила его, а о назначении наследником престола и речи не было.

Его родная мать была простой служанкой, которую император удостоил внимания однажды, а после тут же забыл.

У прежнего государя было более двадцати детей. Сяо Цзин не был ни старшим, ни рождённым от главной жены, ни даже сыном любимой наложницы. Он был забыт в глухом углу дворца, всеми покинутый.

В то время любимая наложница Шу держала львиную собачку. Пёсик, пользуясь покровительством хозяйки, бесчинствовал во дворце, искушав уже многих.

Сяо Цзин, будучи ребёнком и видя, как собака нападает на людей, залез на дерево и принялся швырять в неё сверху камнями. Пёс, получив сдачи, с жалобным визгом побежал к хозяйке.

Наложница Шу, пылая гневом, последовала за собакой к дереву и заявила, что строго накажет обидчика. Сяо Цзин понимал, что натворил беды, и, прячась на дереве, в душе горько сокрушался.

Пусть он и был мал, но уже знал, сколь жестоки нравы во дворце. Его собственное наказание было ещё полбеды, хуже, если бы пострадала и его неприметная, не пользующаяся благосклонностью мать.

В тот миг, когда он метался в нерешительности, сверху, из кроны дерева, раздался детский голос:

— Прошу прощения, госпожа, я не знал, что это ваша собака!

Так Сяо Цзин впервые увидел Гу Хуайцина — маленького евнуха, почти его ровесника, который своим хилым тельцем встал на его защиту.

Сяо Цзин с ужасом наблюдал, как наложница Шу приказала слугам повалить Гу Хуайцина на землю и жестоко избить, а после заперла его, лишив пищи.

Вернувшись, Сяо Цзин не находил покоя, его терзали вина, благодарность и раскаяние. В конце концов, не выдержав, он поднялся среди ночи, пробрался на дворцовую кухню, стащил блюдо с оставшимися хрустящими печеньями «Цветок персика», завёрнутыми в платок, сунул за пазуху и отправился тайком к Гу Хуайцину.

Дворец наложницы Шу охранялся строго. Сяо Цзин, обежав его вокруг, лишь в отчаянии ломал голову. Стена была слишком высока, чтобы перелезть, но в углу он заметил собачью лазейку. Он был мал ростом и как раз мог пролезть. Не раздумывая о своём принцевском достоинстве, он на четвереньках протиснулся внутрь.

Гу Хуайцин, проголодавшись за сутки, при виде еды глаза у него загорелись диким огнём, и он набросился на неё, жадно поглощая.

Сяо Цзин молча присел рядом, наблюдая, как тот ест. Когда печенье было съедено, он спросил: «Зачем ты взял вину на себя?»

Гу Хуайцин фыркнул и с важным видом ответил: «Эту вонючую собачину я давно мечтал прикончить. Я на дереве как раз собирался это сделать, а ты меня опередил. Вот только ты оказался слабаком: будь я на твоём месте, одним камнем раскроил бы ей башку, чтобы и пикнуть не успела! Не то что эта злобная баба подоспела!»

Сяо Цзин не сдержал смеха, найдя Гу Хуайцина невероятно забавным и совсем непохожим на прочих евнухов.

В его сердце потеплело, словно он обрёл родственную душу. Во дворце он был всегда одинок, у него не было друзей, и уж тем более некому было встать на его защиту в трудный миг.

Позже, благодаря заступничеству приёмного отца Гу Хуайцина, Вань Чжэня, наложница Шу

отпустила его. Гу Хуайцин пролежал целый месяц, пока раны полностью не зажили.

Спустя некоторое время Сяо Цзин воспользовался случаем и забрал Гу Хуайцина к себе. С тех пор Гу Хуайцин стал его тенью, неотступно следующей за ним.

Они были ровесниками, их интересы совпадали. Формально они были господином и слугой, но на деле походили на братьев, и связывала их глубокая, необычайная привязанность.

А то маленькое блюдечко с хрустящими печеньями «Цветок персика» стало началом их дружбы...

Разделив печенье и вспомнив былые невзгоды, оба на мгновение погрузились в задумчивость.

При тусклом свете свечей лицо Гу Хуайцина обрело нереальную, туманную красоту. Кожа его была бела, словно припудрена, губы — будто подкрашены румянами, а слегка приподнятые глаза-фениксы, будто выведенные тушью, излучали невыразимое изящество и шарм.

Сяо Цзин, словно замороженный, машинально протянул руку. В тот миг, когда его пальцы почти коснулись уголка губ Гу Хуайцина, тот вдруг наклонил голову и с недоумением взглянул на него.

Сяо Цзин отвёл руку и, улыбнувшись, промолвил: «У тебя на губе крошка».

Гу Хуайцин лишь кивнул, достал шёлковый платок и вытер губы. Движения его были столь изысканы, что он походил на самого знатного аристократа.

Подойдя ближе, Сяо Цзин уловил исходящий от Гу Хуайцина лёгкий винный запах и спросил: «Ты пил?»

— Да, выпил несколько чаш за приёмного отца.

Сяо Цзин вновь спросил: «Банкет был весёлым? Невеста красива?»

<http://bllate.org/book/16283/1466620>